

не понимала, зачѣмъ Володя такими странными глазами глядитъ на Фирсову и какъ будто заигрываетъ съ нею; зачѣмъ всѣ шумятъ и какъ будто стараются перекричать другъ друга. Какъ въ туманѣ, сидѣла она, сумрачно и дико поглядывая по сторонамъ; въ эту минуту она очень напоминала маленькаго загнаннаго звѣрка. Но мало-по-малу она освоилась съ своимъ положеніемъ и стала всматриваться. И такъ вдругъ показались ей всѣ противны, пошлы, гадки, что она содрогнулась отъ отвращенія и искренно пожалѣла, зачѣмъ согласилась на просьбы Володи поѣхать сюда. „Неужели имъ всѣмъ весело?—думала она, обводя глазами общество задумчивымъ взоромъ.—Чего они всѣ шумятъ, орутъ, смѣются? Зачѣмъ Володька такъ отвратительно ломается передъ этой толстой, разряженной барыней? Ахъ, какіе всѣ они противные!.. И батюшка сталъ противный: лицо красное, потное, и глаза узенькіе-узенькіе, и свѣтятся. Какой гадкій этотъ калмыкъ, который такъ гадко прищуривается и какъ будто подмигиваетъ, когда глядитъ въ нашу сторону! А этотъ долговязый, съ желтыми длинными волосами и весь въ веснушкахъ, — это, кажется, сынъ Полянскаго... Зачѣмъ онъ все на меня смотритъ?.. Противные!.. И какъ нехорошо мнѣ!“...

Тутъ Леночка вспомнила дядю Додю, который теперь бродитъ гдѣ-нибудь, одинокій и печальный, вспомнила Демида, согнувшагося подъ тяжестью своихъ веригъ въ крошечной полутемной избенкѣ,—и сердце ея сжалось нестерпимой жалостью и болью. Слезы навернулись у нея на глазахъ... „Зачѣмъ я оставила ихъ, такихъ добрыхъ, хорошихъ, и ушла сюда?“... Въ тоскѣ Леночка оглянулась кругомъ и ей показалось, что и деревья стоятъ какія-то грустныя, поблекшія, недоумѣвающія, словно жалѣли они, что весь этотъ безобразный гвалтъ нарушилъ ихъ покой, что смяли и загрязнили роскошный благоухающій коверъ, стлавшійся у ихъ ногъ...

А веселье било ключомъ; компанія, чтò называется, разошлась. Пфейферши, набѣгавшись, опять усѣлись закусывать; къ нимъ присосѣдился Бордзовскій и своими утонченными комплиментами привелъ барышень въ игривое настроеніе. Онѣ хихикали, взвизгивали и переглядывались другъ съ другомъ, а Бордзовскій подмигивалъ имъ своими крошечными масляными глазками и, дымя сигарой, удваивалъ свою любезность и комплименты. Но еще большее оживленіе царило въ томъ кружкѣ, центромъ котораго была дѣлая баттарей горячительныхъ напитковъ. Батюшкѣ, наконецъ, кое-какъ удалось, при помощи Петровца и его жены, составить хоръ, и дѣло выходило бы ладно, еслибы не Щепоткинъ, который въ самые патетическіе моменты забиралъ такого